Труды Киевской Духовной Академии

Рѣчи,

произнесенныя при погребеніи проф. М. Ф. Ястребова.

Дорогой учитель!

Если нужно бы было характеризовать твою жизнь и дѣятельность, какъ профессора и инспектора кратко, однимъ словомъ, то мы затруднились бы подыскать выраженіе болѣе подходящее, какъ назвавъ тебя „необыкновеннымъ человѣкомъ“, и именно потому, что ты жилъ и дѣйствовалъ весьма обыкновенно, чрезвычайно просто. Глядя на тебя со стороны, нерѣдко казалось, что въ однихъ случаяхъ тебѣ нужно бы было аргументами отъ науки убѣдить, въ другихъ—авторитетъ проявить, въ третьихъ, наконецъ, въ дѣло власть употребить. Но ты, имѣя право на все это, избѣгалъ и того, и другого, и третьяго. Для человѣка съ положеніемъ и облеченнаго властью чрезвычайно трудно иногда бываетъ воздержаться отъ властолюбивыхъ, честолюбивыхъ проявленій, тщеславныхъ стремленій, переоцѣнки своихъ личныхъ дарованій и другихъ искушеній страстей. Но ты—насколько мы тебя знаемъ—ни разу не взялъ фальшивой ноты, не сдѣлалъ ни одного невѣрнаго шагу; ты, казалось, воздавалъ каждому лицу, положенію, обстоятельству или моменту столько, сколько требовалось по самому существу, по ихъ природѣ. Такая *простая*, *обыкновенная* жизнь есть явле-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

ніе столь рѣдкое, что ее по-истинѣ можно назвать жизнію „необыкновенной“!

Мы видѣли тебя профессоромъ. Мы слышали тебя съ высоты академической каѳедры излагающимъ важнѣйшую изъ наукъ академическаго курса. Но мы не видѣли въ тебѣ стремленія встать *на недосягаемый* пьедесталъ предъ *твоими* юными слушателями, окружить себя дымкою величія, ученой важности, показать въ себѣ что-то не-заурядное, не-обыкновенное, поразить воображеніе, подавить сознаніе. Ты, не драпируясь въ ученую тогу, ясно и *просто* излагалъ ученіе о Богѣ и Его правдѣ и любви въ отношеніи къ міру и человѣку. Но эта простота не была слѣдствіемъ твоего незнакомства съ обширною работою человѣческаго ума въ области твоей великой науки. Нѣтъ, все это ты зналъ, но только лишь то отсюда бралъ, что отвѣчало твоему простому, обыкновенному взгляду на твою высокую науку. Ты, послѣдуя *многимъ* о.о. и учителямъ церкви и лучшимъ русскимъ богословамъ, по-видимому, былъ убѣжденъ, что только сердце дѣлаетъ богословомъ, что нужно вѣрить, чтобы понять; что твоя наука (догматическое богословіе) беретъ свой исходный пунктъ не въ сомнѣніи, а въ *полнотѣ вѣры*, и развивается не изъ пустоты сомнѣнія, а изъ полноты, избытка вѣрующаго сердца; что система твоей науки не имѣетъ задачею дать опоры (доказательства) колеблющейся вѣрѣ,—а, наоборотъ, сама есть исповѣдь живой въ Богѣ души и глубоко-вѣрующаго сердца; для человѣка же колеблющагося, тѣмъ болѣе не вѣрующаго, для ума холоднаго, скептическаго христіанское ученіе есть только одна изъ религіозныхъ системъ, и то не самая совершенная.

Но пусть другіе „могущіи“ вполнѣ оцѣнятъ твои достоинства, какъ профессора (полному проявленію которыхъ все-таки, думаемъ, помѣшала тяжелая болѣзнь и сравнительно ранняя смерть); мы же кратко скажемъ о тебѣ,

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

какъ инспекторѣ, тѣмъ болѣе, что намъ, по положенію твоего младшаго сотрудника, пришлось близко стоять къ тебѣ.

Кому неизвѣстно, что обязанности инспектора закрытаго учебнаго заведенія всегда были одѣ изъ труднѣйшихъ, а въ наше бурное время и вовсе. *Но твоя простота жизни* дала возможность пройти тебѣ тернистое поприще инспектора гораздо успѣшнѣе и удачнѣе, чѣмъ многимъ и многимъ изъ твоихъ современниковъ. Ты самъ не разъ говаривалъ, что приступалъ къ инспекторской должности безъ всякой наперед составленной программы, наперед выработаннаго плана дѣйствій. Ты хорошо понималъ, что живая жизнь несравненно сложнѣе и богаче, чѣмъ самая умная теорія, что проводить въ инспекторской дѣятельности твердо неуклонно извѣстное начало, не сообразуясь съ живою дѣйствительностью,—это значитъ во многихъ случаяхъ портить и губить молодую жизнь, а не врачевать и спасать.

Далеко не одѣ розы пришлось тебѣ встрѣтить на тернистомъ пути инспекторской службы. Ты видѣлъ массовыя движенія въ студенчествѣ, направленныя противъ того, что ты, помнившій лучшія времена, считалъ разумнымъ, твердымъ и необходимымъ. Ты былъ свидѣтелемъ насильственнаго прекращенія учебныхъ занятій. Ты видѣлъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, дерзкія стремленія противъ всякаго авторитета и власти, противъ разумныхъ нормъ и законовъ человѣческаго общежитія. Наконецъ, ты могъ получать въ рѣдкихъ —къ общей благовоспитанности студенчества— случаяхъ и прямыя оскорбленія. . Но твой простой, обыкновенный взглядъ на жизнь помогалъ тебѣ разобраться и въ этихъ глубоко-грустныхъ явленіяхъ. Твоя простота оказалась тонкимъ разумомъ: ты вѣрно оцѣнилъ, ты правильно понялъ то, что многихъ инспекторовъ приводило въ недоумѣніе, возмущало и побуждало иногда къ крайнимъ рѣшеніямъ. Относительно студенческихъ движеній, будто-бы направленныхъ къ опредѣлен-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

ной разумной цѣли, ты говорилъ: „не понимаю ихъ“! И эта фраза въ твоихъ устахъ вовсе не имѣла того ироническаго смысла, какой ей обычно придается: не понимаю, т. е. считаю нелѣпымъ, осуждаю. Наоборотъ, ты твердо и искренно былъ убѣжденъ, что всякое поколѣніе, время, каждый возрастъ—живетъ своими идеями и интересами. (Вотъ, наприм., говаривалъ ты, наше поколѣніе, воспитанное на русскихъ классическихъ писателяхъ (Тургеневѣ, Толстомъ и др.) уже не понимаетъ новаго литературнаго теченія въ лицѣ Горькаго, Андреева и др.; а между тѣмъ, прибавлялъ ты, и это направленіе въ литературѣ нужно признать законнымъ и разумнымъ, разъ оно захватываетъ не только всю Россію, но и Западъ). И ты наблюдалъ и молчалъ... Въ тѣхъ же случаяхъ, когда освободительное студенческое движеніе выражалось (пока) въ совершеніи проступковъ и преступленій, въ демонстраціяхъ въ отношеніи лицъ начальствующихъ,—ты склоненъ былъ видѣть увлеченіе тлетворнымъ духомъ времени, правда, крайнее и опасное, однако не злую волю, не порочное сердце. И ты терпѣлъ и молчалъ... Правда, иногда нужны были просто не человѣческое терпѣніе и прямо ангельская доброта, чтобы все это перенести и забыть, тѣмъ болѣе, что ты, при твоей простотѣ, обнаруживалъ рѣдкое пониманіе самыхъ тонкихъ и сложныхъ чувствъ, почти неуловимыхъ движеній человѣческой души. Но ты, повидимому, находилъ въ себѣ силъ и для этого. Ты, конечно, имѣлъ право и власть достигнуть удаленія изъ заведенія лицъ, казавшихся болѣе виновными. Но ты этого не дѣлалъ. Ты заглядывалъ вдаль и соображалъ, что будетъ съ уводимымъ,—и ты видѣлъ, что крайняя мѣра можетъ озлобить его, толкнуть на путь преступленій и погубитъ. Наоборотъ, милость, пощада можетъ его исправить и сдѣлать полезнымъ членомъ общества... Придетъ время, наступитъ часъ и прощенный тобою глубоко сознаетъ всю тяжесть совершеннаго преступленія, нанесенной тебѣ обиды, будетъ сты-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

диться за прошлое свое, раскается и получитъ урокъ такъ же благостно поступать съ людьми, какъ испыталъ на себѣ.

Конечно, золотое молчаніе и кроткое терпѣніе—пассивныя добродѣтели и могучія силы только послѣ мудраго слова и разумнаго дѣйствія. Но мы вѣримъ, проявилъ бы ты и активныя добродѣтели, если бы тяжелый, неисцѣлимый недугъ уже давно не поразилъ тебя. Но во всякомъ случаѣ твои питомцы будутъ тебѣ всегда гораздо болѣе благодарны за твое терпѣніе и молчаніе, чѣмъ многимъ другимъ инспекторамъ, особенно нашего смутнаго времени, за ихъ многословіе и энергичную дѣятельность...

Добрымъ словомъ, отъ всего сердца должны помянуть тебя и мы, твои младшіе сотрудники-помощники. Отношенія твои къ намъ были самыя вѣжливыя, даже въ высшей степени деликатныя. Ты никогда не старался подчеркнуть, что ты нашъ начальникъ и что тебѣ мы обязаны особымъ почтеніемъ. Если что въ нашихъ сердцахъ, по поводу твоихъ отношеній къ намъ, и могло наводить нѣкоторую печаль, то это то, что ты совсѣмъ какъ бы избѣгалъ быть намъ начальникомъ. Кому неизвѣстно, что въ десяткахъ случаевъ гораздо лучше дѣйствовать по прямому указанію и приказанію, чѣмъ на свой страхъ, по собственному убѣжденію. А между тѣмъ во многихъ случаяхъ твое приказаніе было одно: не дожидаться отъ тебя опредѣленныхъ приказаній, а дѣйствовать, или выжидать время по собственному пониманію дѣла.

Ты просто, обыкновенно умѣлъ жить, ты просто и по-христіански, въ высшемъ значеніи этого слова, сумѣлъ и умереть.

Болѣзнь твоя была неизлѣчима. Ты это зналъ не менѣе, чѣмъ и окружавшіе тебя. Ты понималъ, что дни твои сочтены. А между тѣмъ кто видѣлъ тебя требовательнымъ, раздраженнымъ, какъ многіе другіе больные, являющіеся

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

поистинѣ бичемъ для близкихъ имъ? Кто замѣчалъ въ тебѣ зависть, легко переходящую въ ненависть, столь не рѣдкое чувство у безнадежно больныхъ ко всему здоровому, живому? Кто заставалъ тебя въ состояніи—не скажемъ отчаянія, а—унынія, угнетеннаго состоянія духа?.. Ты былъ спокоенъ и благодушенъ, ты примирился съ своимъ безнадежнымъ положеніемъ и тихо дожидался своей кончины. Глядя на тебя, думалось, что смерть вовсе не такое страшное явленіе, чтобы ея бояться и предъ нею трепетать; что отъ насъ зависитъ, встрѣтить ли ее съ ужасомъ холоднаго отчаянія, или по-христіански, съ спокойствіемъ примиреннаго сознанія. Глядя на тебя, яснымъ казалось, какъ въ тебѣ высшее начало, духовное, божественное побѣждало и побѣдило низшую природу, земную, плотяную—и ниспослало твоей душѣ миръ и любовь.

Пусть же будетъ пухомъ для тебя земля, незабвенный наставникъ въ жизни и великій учитель въ самой смерти!

М. Поснов.

2.

Возлюбленный о Христѣ братъ, незабвенный наставникъ и сотоварищъ!

Еще свѣжа могила нашего почившаго незабвеннаго философа, и вотъ новая смерть, новая печаль, новая тяжелая потеря для Академіи!.. Не стало нашего виднаго богослова, столько лѣтъ, съ великою честью, занимавшаго сначала каѳедру обличительнаго, а потомъ догматическаго богословія. Тяжелая потеря!.. Смѣло можно сказать, что такихъ богослововъ-догматистовъ, какимъ былъ почившій, найти не легко, особенно въ нынѣшнее время, полное всякой неустойчивости и колебательности. Это былъ, если можно такъ выразиться, по истинѣ „догматическій характеръ“. Это былъ человѣкъ глубочайшей вѣры, непоколебимыхъ христіанскихъ

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

убѣжденій; это подлинно мужъ церковный, всегда въ своемъ богословствованіи утверждавшійся на церковномъ преданіи и никогда не отступавшій отъ него ни на одну іоту. Неудивительно, поэтому, что онъ съ такою глубокою скорбью смотрѣлъ на нынѣшнее зарождающееся анти-догматическое движеніе, прикрывающееся такъ называемымъ новымъ методомъ въ богословіи. Превращать христіанскую догматику — въ мораль, христіанскую метафизику — въ этику, это, по словамъ почившаго, значитъ въ корнѣ подрывать христіанство Не безъ нѣкоторой ироніи почившій говорилъ о себѣ: „быть можетъ я уже устарѣлъ, но я остаюсь и всегда останусь при своихъ убѣжденіяхъ“. И это были святыя убѣжденія,— убѣжденія истинно православнаго богослова, крѣпко, продуманныя и обоснованныя. О, сколько разъ мы имѣли удовольствіе бесѣдовать съ почившимъ наставникомъ по вопросамъ богословскимъ, и всегда все болѣе и болѣе утверждались въ той мысли, что свои взгляды нужно провѣрять его богатымъ научнымъ опытомъ, его по-истинѣ адамантовою крѣпостью и силою высокаго христіанскаго убѣжденія. „Какъ вы думаете—говорилъ не одинъ разъ почившій:—что должно быть положено въ основу построенія нашей догматики? Думаю, ученіе о Церкви. Изъ него необходимо выводить и на немъ обосновывать все христіанское ученіе, и тогда въ системѣ христіанскаго богословія все будетъ такъ ясно, стройно, послѣдовательно, жизненно; недаромъ прежніе богословы проектировали науку, такъ называемую: „экклезіастику“. И ученіе о Церкви, какъ тѣлѣ Христовомъ, не было для нашего приснопамятнаго догматиста какою-то духовною мистикою, какъ нынѣ его нѣкоторые понимаютъ, а было самымъ жизненнымъ ученіемъ, заключающимъ въ себѣ подлинную духовную реальность: Христосъ соприсутствуетъ въ Церкви, Его благодатная сила разлита во всѣхъ ея частяхъ, какъ Его тѣлѣ.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

Блаженъ ты, почившій возлюбленный о Христѣ братъ, въ своей крѣпкой вѣрѣ. Господь надѣлилъ тебя и замѣчательнымъ даромъ изложенія и раскрытія истинъ нашей святой вѣры. Это былъ даръ глубочайшаго проникновенія въ разсматриваемую христіанскую истину, необычайно тонкаго анализа, способность подмѣчать малѣйшіе оттѣнки анализируемаго догматическаго понятія. Тутъ соперниковъ у тебя, думаемъ, найдется немного. Твое мышленіе отличалось такою силою и крѣпостью, такою необыкновенною способностью расчлененія и синтеза, что оно невольно овладѣвало мышленіемъ другого. Такому именно ученому раскрывать ту науку, которую ты разрабатывалъ, ибо она требуетъ необыкновенной ясности, точности и опредѣленности. Ты былъ замѣчательный филологъ и, благодаря своимъ выдающимся филологическимъ способностямъ, многое намъ уяснилъ въ области спорныхъ богословскихъ вопросовъ и спорной богословской терминологіи. Твоихъ филологическихъ изысканій наша богословская наука никогда не забудетъ. Не забудемъ мы и того, какъ высоко смотрѣлъ ты на литературный трудъ и предавалъ печати только плоды своихъ самыхъ тщательныхъ изслѣдованій. Въ тебѣ мы видимъ живой примѣръ, что съ литературнымъ трудомъ спѣшить нельзя, ибо за каждое свое слово данъ строгій отвѣтъ. „Отъ словесъ своихъ оправдишися и отъ словесъ своихъ осудишися“.

Какимъ почившій былъ въ наукѣ, такимъ онъ являлся и въ жизни. И здѣсь онъ стремился все какъ бы расчленить, проанализировать, довести до возможно большей ясности, при свѣтѣ своего глубоко религіознаго взгляда на жизнь, и отсюда всѣ его дѣйствія такъ ровны, спокойны, такъ обдуманны. Въ какой-нибудь поспѣшности его никто не могъ упрекнуть; разъ данное слово было у него твердо и нерушимо, какъ скала. Вся его жизнь запечатлѣна какою-то кристальною ясностью. Всегда бодрый, неутомимо энергичный, всегда полный истиннаго добродушія и пріятнѣйшаго юмора!...

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

Болѣзнь почившаго, приведшая его къ могилѣ, была болѣзнью долгою и мучительною. Но никогда онъ не унывалъ, не падалъ духомъ и до самой послѣдней возможности исполнялъ свой служебный долгъ. Силы съ каждымъ днемъ упадали, ноги подкашивались, грудь тяжело поднималась, страшная блѣдность порою покрывала лицо, а нашъ дорогой Митрофанъ Филипповичъ неизмѣнно дѣлалъ свое дѣло и всегда являлъ намъ примѣръ честнаго исполненія своего долга.

Блаженъ ты, почившій братъ, въ своемъ добромъ дѣланіи. Ты былъ вѣрный рабъ Христовъ, который услышитъ утѣшительнѣйшій призывъ: „вниди въ радость Господа Своего“. Всѣ мы всегда смотрѣли на тебя какъ на „мужа правды“. Правда въ словахъ, правда въ дѣйствіяхъ, правда во всѣхъ намѣреніяхъ и чувствованіяхъ была отличительною чертою твоей жизни. Ты былъ для насъ какъ бы воплощенною правдою, съ которою намъ всегда слѣдовало сообразоваться, и прости, если иногда мы отъ нея уклонялись. Когда въ свое время открылось трудное и отвѣтственное дѣло воспитателя и ближайшаго руководителя нашего академическаго юношества, взоры всѣхъ насъ какъ-то невольно обратились на тебя,—„мужъ правды“. И ты съ великою честью несъ это дѣло,—несъ въ столь трудное время, требовавшее такой мудрости, такого необыкновеннаго такта. Твоя правда не была правдою холодною, юридическою, а это правда добраго сердца, чистой христіанской совѣсти,—правда, соединенная всегда съ милостью. Нужно сказать, что велѣнія долга всегда чисты, возвышены, безусловны, но грѣховная наша природа всячески имъ противится, ибо они требуютъ подавленія нашей чувствительности и потому представляютъ для насъ нѣчто тяжелое.

Не безъ вліянія, конечно, прошлой жизни сложился цѣльный духовный образъ почившаго, выработалась въ немъ богатая духовная энергія. По собственнымъ словамъ покойнаго профессора, съ самой ранней юности ему пришлось

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

бороться со всякою нуждою, лишеніями и страданіями. Жили въ великой скудости и простотѣ; трудились буквально въ потѣ лица своего, всячески изыскивая матеріальныя средства для воспитанія дѣтей. Наше молодое воспитывающееся поколѣніе не знаетъ уже—говорилъ почившій—той нужды и тѣхъ лишеній, какія мы переживали. И слава Богу, что не знаетъ: его умственный трудъ этимъ значительно облегчается. Пусть только оно не теряетъ добрыхъ старыхъ началъ, доброй старой закваски. И самъ почившій свято всегда хранилъ добрыя преданія, положенныя въ истинно христіанской семьѣ. „Такъ"—обыкновенно онъ выражался —„было у насъ въ старину". Это былъ истинно-русскій человѣкъ, великій патріотъ—истинно-русская душа,—честная, прямая, открытая, доступная. Въ его присутствіи всегда чувствовалось какъ-то необыкновенно хорошо. Онъ былъ образцовый семьянинъ, образцовый воспитатель своихъ дѣтей. Не одинъ разъ намъ приходилось незамѣтно наблюдать умилительную картину его домашней молитвы съ своими дѣтьми. Вотъ доброе старое воспитаніе, добрые старые устои!...

Дорогой наставникъ и сотоварищъ! У гроба твоего многому можно поучиться, но наше слабое слово не можетъ обнять всю полноту, все богатство твоей духовной личности. Такія цѣльныя, какъ выкованныя, серьезныя фигуры, такіе сильные характеры, такія симпатичныя, рельефно выступающія черты духовной индивидуальности встрѣчаются сравнительно рѣдко. „Мужъ вѣры",—да обратится нынѣ твоя глубокая вѣра въ непосредственное видѣніе и лицезрѣніе Бога! „Мужъ правды",—да исполнятся надъ тобою евангельскія слова: „блажени алчущіи и жаждущіи правды, яко тія насытятся"! Здѣсь, въ этой юдоли скорби и плача, при всемъ стремленіи къ правдѣ, полное насыщеніе Божіею правдою невозможно. „Мужъ долга",—вѣрный рабъ Христовъ,—да услышишь ты умилительныя божественныя слова: „внеди въ радость Господа Своего".

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

Спи же мирнымъ сномъ, нашъ дорогой наставникъ и сотоварищъ! Усни до блаженнаго нашего возстанія!... Не забудемъ мы твоей вѣры, твоей правды, твоей безпредѣльной преданности своему долгу! Покойся мирно въ землѣ рядомъ съ нашимъ незабвеннымъ философомъ, напоминая намъ этимъ о великомъ единеніи вѣры и знанія, богословія и философіи.

Д. Богдашевскій.

3.

Не успѣли мы еще свыкнуться съ мыслью о смерти нашего уважаемаго профессора-философа Петра Ивановича Линицкаго, не успѣли выяснить все значеніе потери въ лицѣ великаго мужа науки въ широкомъ смыслѣ этого слова и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубокаго спеціалиста въ излюбленной имъ этической области незабвеннаго Маркелина Алексѣевича Олесницкаго, и вотъ уже опять смерть, вотъ еще новая утрата для нашей академической семьи. Насъ оставляетъ еще одинъ изъ нашихъ наставниковъ, нашъ профессоръ—догматистъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, руководитель, въ качествѣ инспектора, дорогой намъ Митрофанъ Филипповичъ Ястребовъ. Изъ рядовъ нашей профессорской семьи, по волѣ рока, выбываютъ одинъ за другимъ выдающіеся члены ея, равно великіе, какъ люди—глубоко вѣрующіе, искренно любящіе и твердо убѣжденные, что далеко не часто встрѣчается въ наше измѣнчивое время, и какъ мужи науки, оставившіе видные слѣды, даже проложившіе новые пути въ своихъ научныхъ областяхъ и спеціальностяхъ.

При видѣ этого гроба, уже третьяго профессорскаго, по крайней мѣрѣ на памяти моихъ товарищей, невольно является чувство грусти и сожалѣнія о преждевременной разлукѣ съ нашими наставниками, которые, быть можетъ, еще

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

не мало потрудились бы во славу и на пользу нашей богословской науки, какъ опытнымъ своимъ ученымъ руководствомъ, такъ и новыми научными трудами. Только сознаніе того, что каждымъ изъ почившихъ профессоровъ оставлено намъ лучшее изъ возможныхъ культурныхъ наслѣдствъ—ихъ ученые труды, являющіеся цѣннымъ вкладомъ въ сокровищницу нашей науки, только сознаніе этого можетъ служить лучшимъ и вѣрнѣйшимъ утѣшеніемъ для насъ, равно какъ и для всѣхъ людей мысли и ученаго труда.

Извѣстіе о смерти Митрофана Фидиповича застало насъ за чтеніемъ слѣдующихъ словъ: „въ самый разгаръ увлеченія внѣшними реформами, въ минуту безусловнаго отрицанія всего внутренняго, религіознаго, мистическаго въ жизни и въ человѣкѣ, два наиболѣе вліятельные писатели того времени... отвергли, какъ совершенно незначущее, все внѣшнее и обратились къ внутреннему и религіозному". Такъ писалъ одинъ изъ современныхъ намъ критиковъ въ 1891 году, характеризуя этими словами одну изъ эпохъ нашего прошлаго.

Смерть наставника нашего совпала съ такой же по характеру эпохой. Мысль человѣческая, поспѣвая за быстро бѣгущими событіями жизни, занята всецѣло будничнымъ и временнымъ, забывъ вѣчное, безусловное, религіозное. Жизнь современнаго человѣка—это вихрь быстро смѣняющихся впечатлѣній, увлеченіе всѣмъ злободневнымъ, не мирная, созидательная работа, а бурная и разрушительная, жестокая и ужасная борьба партій, доходящая въ своихъ крайнихъ проявленіяхъ до уничтоженія и истребленія другъ друга. Жертвы насилія съ той и другой стороны сдѣлались обычными и ежедневными, не одиночными только, но и массовыми. Но что ужаснѣе всего, смерть человѣка, этого „умаленнаго малымъ чимъ отъ ангелъ" существа, благодаря многочисленнымъ жертвамъ, перестала даже казаться теперь для насъ великимъ актомъ мировой жизни, священной тайной. Среди

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академіи

вихря смѣняющихъ другъ друга общественныхъ событій и частыхъ политическихъ перемѣнъ какъ-бы не остается совершенно времени для размышленія о томъ вѣчномъ законѣ, проявленіе котораго мы наблюдаемъ въ данное время. Только потеря близкаго человѣка отвлекаетъ насъ отъ жизненнаго водоворота и заставляетъ призадуматься надъ смертью, этимъ печальнымъ и часто нежелательнымъ, но неизбѣжнымъ закономъ, этимъ уничтоженіемъ всего матеріальнаго. Только разлука съ любимымъ человѣкомъ неизбѣжно порождаетъ вопросы: что же дальше? какова судьба этого праха, этихъ останковъ человѣка? Все-ли здѣсь то, что называлось когда то величественно человѣкомъ—вѣнцомъ творенія, а теперь, повидимому, подлежитъ окончательному истлѣнію, сдѣлавшись достояніемъ могильныхъ червей?

Отвѣчая на такіе естественные запросы человѣческаго духа въ своихъ безсмертныхъ произведеніяхъ, одинъ изъ величайшихъ писателей земли русской, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ и незаурядньшъ мыслителемъ—моралистомъ, эпиграфомъ для своей лебединой пѣсни—послѣдняяго сочиненія взялъ слѣдующія слова изъ евангелія св. Іоанна: „истинно, истинно говорю вамъ: если пшеничное зерно, падши на землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода“ (Іоанн. XII, 24). Истинный смыслъ этихъ словъ, подробно разъясняемый и развиваемый авторомъ, таковъ: смерть человѣка, разложеніе его организма—это только залогъ новой, будущей, лучшей жизни. Эта вѣра въ загробную жизнь, исповѣдуемая православною, да и всею христіанскою Церковью, является всеобщею едва-ли не во всемъ человѣчествѣ, особенно же въ нашемъ русскомъ народѣ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ указанный авторъ, великій знатокъ русскаго народа.

Глубоко и твердо вѣруя, вмѣстѣ съ любимымъ имъ простымъ народомъ, въ безсмертіе души и въ „воскресеніе реальное, буквальное и личное“, *какъ онъ выражается въ* одномъ частномъ письмѣ, онъ выясняетъ намъ въ своихъ

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

сочиненіяхъ, что эта вѣра является глубочайшей и непоколебимой въ нашемъ народѣ, да и во всемъ человѣчествѣ. Даже подростки и дѣти, по свидѣтельству его, обладаютъ вѣрой въ безсмертіе и въ загробную жизнь. „Неужели, спрашиваетъ этотъ писатель устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ послѣдняго своего произведенія, неужели и взаправду религія говоритъ, что мы всѣ востанемъ изъ мертвыхъ, и оживемъ и увидимъ другъ друга“? И съ твердой увѣренностью отвѣчаетъ устами своего любимаго героя: „непремѣнно востанемъ, непремѣнно увидимъ и весело, радостно разскажемъ другъ другу все, что было“!

Такова вѣра, исповѣдуемая имъ вмѣстѣ съ христіанскою Церковью и являющаяся единственнымъ оплотомъ, единственной опорой человѣчества, при слабо мерцающемъ въ этомъ тайникѣ свѣтѣ нашего разума, безсильнаго открыть завѣсу будущаго и проникнуть въ тайны потусторонняго міра. Извѣстно, вѣдь, что, при условности и ограниченности человѣческаго мышленія, идея безсмертія, опирающаяся на идею бытія Божія, является недоказуемой, въ чемъ не сомнѣвается въ данное время ни научное, ни философское сознаніе, въ лицѣ виднѣйшихъ представителей его. Богъ необходимъ, говоритъ намъ философское сознаніе,—это не разумная и не опытная, а мистическая религіозная посылка, не опровергаемая и недоказуемая разумомъ. Разумъ не утверждаетъ и не отрицаетъ, онъ только говоритъ: я не знаю, есть ли Богъ или нѣтъ Его.

Остается, такимъ образомъ, единственная область, въ которой человѣчество можетъ опредѣленно считаться съ такими вопросами, какъ идея Божества и безсмертія. Это область вѣры. Она именно является такой силой въ человѣкѣ, которая положительно разрѣшаетъ указанные вопросы, не раздѣляя этой великой миссіи своей съ какой-либо иной силой человѣческаго духа.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

Сообразно же вѣрѣ нашей, духъ покойнаго наставника нашего, оставляя насъ, равно какъ и бренное тѣло свое, готовъ отлетѣть въ горнія обители ко Отцу Небесному, который и далъ его, и предстать предъ Нимъ въ свое время на судѣ. Оцѣнка его, земной жизни—дѣло Небеснаго Судіи, не подлежащее нашему вѣдѣнію. Впрочемъ, не лишнимъ будетъ указать здѣсь общій характеръ личности покойнаго и на основаніи этого какъ-бы предугадать ту мзду, которая можетъ ожидать за гробомъ нашего наставника.

Намъ припоминается именно отношеніе къ намъ, студентамъ, покойнаго Митрофана Филипповича, какъ нашего руководителя въ качествѣ инспектора Академіи. Эта обязанность его, которую онъ исполнялъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, какъ и вообще всякая административная служба, не пользуется симпатіями у подчиненныхъ, а потому и для Митрофана Филипповича представляла очень мало пріятностей и радостей. Это особенно необходимо сказать относительно послѣднихъ лѣтъ нашей академической жизни. Какъ и всякое переходное время, оно отличалось бурнымъ и неспокойнымъ характеромъ. Быстро идущая впередъ жизнь отливалась въ иныя новыя формы, инструкціи же и формальныя правила оставались прежнія, старыя. Создавался, такимъ образомъ, диссонансъ между нормой—правиломъ и самой жизнью—фактомъ. Примиреніе этихъ началъ не всегда удается административному лицу. Нуженъ особый тактъ, необходимы твердая вѣра въ себя и любовь къ дѣлу, чтобы оказаться побѣдителемъ такихъ трудностей. И должно сознаться, покойный инспекторъ нашъ всегда съ честью выходилъ изъ представлявшихся затрудненій. Каждый изъ насъ студентовъ не можетъ не признать въ глубинѣ души своей, что при Митрофанѣ Филипповичѣ, этомъ послѣднемъ инспекторѣ до-реформенной, точнѣе до-автономной Академіи, мы не испытывали на себѣ никакого административнаго, инспекторскаго режима, а тѣмъ болѣе гнета. Мы не можемъ пожаловаться на его суровость,

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

недоступность или сухой формализмъ. Онъ выполнялъ свой служебный долгъ не какъ строгій, власть имѣющій, начальникъ, а скорѣе какъ любящій, заботливый отецъ. Душа покойнаго дѣйствительно была любящей и мягкой, нѣжной и незлобивой. Въ силу этого и отношенія его къ намъ были не формально-начальническими и не гордо-покровительственными, а сердечно-попечительными и добродушными. Мы слышали отъ него не холодныя, равнодушныя требованія и законныя, властныя приказанія, а добрые совѣты, внимательныя руководства, горячія пожеланія. Поэтому и наше сердце не можетъ не отозваться пожеланіемъ и вмѣстѣ вѣрою въ то, что покойному наставнику нашему предстоитъ получить то высшее благо, которое является единственно безусловною цѣнностью за гробомъ.

Миръ праху твоему и вѣчное блаженство душѣ твоей, дорогой Митрофанъ Филипповичъ!

Такова, по вѣрѣ нашей, мзда, ожидающая нашего учителя за его добродѣтельную жизнь. Что же мы, оставшіеся ученики Его? Проводивъ его въ тихую, вѣчную, блаженную пристань, гдѣ нѣтъ ни вѣтровъ, ни бурь, съ чѣмъ остаемся мы сами, только готовящіеся отправиться въ опасное и обильное треволненіями нашего времени жизненное плаваніе? А вѣдь волнующееся море жизни представляется страшнымъ неопытному пловцу. Сильный, порывистый вѣтеръ, кружась и завывая, вздымаетъ одинъ за другимъ валы, одинъ другого грознѣе и могучѣе. Море пѣнитъ и бурлитъ, разбивая въ щепы ветхія и некрѣпкія судна. Вдали темнѣетъ, какъ бы медленно приближаясь, послѣдній, девятый валъ. Готовы-ли мы, юношество, запаслись-ли мы всѣми силами, необходимыми для успѣшнаго плаванія? Сумѣемъ-ли мы и жить, какъ не мало говорили и мечтали на школьной скамьѣ, по правдѣ, началами вѣры и любви, этими вѣковѣчными принципами, не исчерпывающимися интересомъ минуты, даннаго только времени? Прониклись-ли мы ими настолько, чтобы въ жизни

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

своей дѣйствительно насаждать ихъ въ нашемъ алчущемъ правды народѣ, о служеніи которому мы любимъ такъ часто говорить?

Дѣйствительно, на школьной скамьѣ всѣ мы, юноши, одушевлены самыми лучшими чувствами, живемъ самыми высокими идеями, проникнуты самыми свѣтлыми, радужными надеждами. Исполненные идеальнѣйшихъ мечтаній, мы готовимся стать пастырями Церкви, которые по идеѣ должны быть духовными вождями и свѣточами человѣчества, или учителями, являющимися просвѣтителями и руководителями подростающихъ поколѣній. Находясь въ школѣ, среди товарищей, одушевленныхъ такими же высокими, какъ и мы сами, идеалами, погружаясь въ чистыя, свѣтлыя области наукъ, съ ихъ великими принципами и готовыми итогами мысли и дѣятельности человѣческой, узнавая только изъ книгъ жизнь человѣка съ ея большой нуждой въ идейныхъ дѣятеляхъ, юноша невольно воображаетъ себя въ жизни сильнымъ самоотверженнымъ культурнымъ борцомъ, съ легкостью побѣждающимъ царство зла и тьму невѣжества, проливающимъ въ жизнь умственный и нравственный свѣтъ, поражающій и вытѣсняющій, наконецъ, совершенно прежде царившую мглу. Тогда то, мечтается юношѣ, наступитъ счастливая, блаженная жизнь на землѣ, начнется вѣчный, веселый праздникъ.

Таковы мечты и грезы школьнаго юношества, которыя—увы—нерѣдко такъ и остаются однѣми мечтами юности. При первомъ же столкновеніи съ жизнью онѣ очень часто разлетаются сейчасъ же въ прахъ. Многіе совершенно измѣняютъ имъ, изъ прежнихъ идеалистовъ становятся обычными, рядовыми, если не хуже, людьми. Нѣкоторые же, хотя и остаются вѣрны въ этомъ своей юности, проводятъ однако въ жизнь лишь незначительную долю прежнихъ мечтаній. Гдѣ же причина такой ужасной перемѣны? Куда дѣвается нашъ юношескій идеализмъ? Помимо излишняго подкрашиванія или чрезмѣрнаго идеализированія жизни, помимо нѣкото-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

раго преувеличенія собственныхъ силъ своихъ, что характерно въ насъ, юношахъ, наилучшимъ объясненіемъ этого трагическаго явленія въ человѣчествѣ оказывается, по нашему мнѣнію, слабость, неустойчивость и порывистость юношескихъ принциповъ разума, влеченій сердца и движеній воли, отсутствіе твердыхъ, религіозно-нравственныхъ убѣжденій, слабость и недостаточность истинно христіанскаго воспитанія. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ борцомъ за идеи добра и правды можетъ быть человѣкъ, жизнь котораго является суммой различныхъ минутныхъ настроеній, нерѣдко противоположныхъ по характеру порывовъ, неопредѣленныхъ по направленію стремленій, не объединяемыхъ положительнымъ, основнымъ руководящимъ принципомъ или началомъ жизни? И должно сознаться, у насъ, юношей, дѣйствительно на самомъ дѣлѣ, de facto, а не въ теоріи, нѣтъ твердо, разъ навсегда установленнаго принципа, который бы сообщалъ нашей жизни и дѣятельности цѣльный характеръ, объединялъ наши порывы и стремленія единствомъ цѣли, придавалъ имъ высокій смыслъ и значеніе. Поэтому-то нерѣдко самые высокіе порывы нашего духа, самыя идеальныя стремленія смѣняются легкомысленными поступками, сильнѣйшими движеніями низменной страсти, безсмысленнымъ разгуломъ. Безпочвенный идеализмъ напр. въ такомъ случаѣ мало по малу испаряется, и прежде идеально настроенный юноша начинаетъ тянуть лямку чиновника съ единственной заботой о хлѣбѣ насущномъ. Къ такому концу всегда приходитъ человѣкъ, неустойчивый въ своихъ принципахъ и дѣйствіяхъ, съ недисциплинированнымъ характеромъ, не проникнутый главнымъ руководящимъ началомъ христіанской жизни. Такимъ основнымъ началомъ является, какъ извѣстно, христіанская вѣра, не теоретическая только, не сухая и отвлеченная, не дряблая и неустойчивая, а живая, сознательно дѣйственная и твердо убѣжденная вѣра въ живого, вѣчнаго Бога. Только одна она можетъ придать устойчивость и крѣпость

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

нашей нравственно-практической дѣятельности. Только она одна сообщаетъ высшій смыслъ и значеніе всей нашей жизни. Въ ней мы найдемъ нравственную опору и смыслъ самоотверженной дѣятельности. Благодаря ей наши дѣла будутъ не отдѣльными временными вспышками благодушно настроеннаго человѣка, наши чувства не минутными порывами сентиментальнаго сердца, а цѣлостной, органической, осмысленной работой во благо ближняго, проникнутой самоотверженной любовью къ человѣку.

Выводъ изъ этихъ размышленій—необходимость воспитать въ себѣ тѣ зерна вѣры и любви, какія заложены въ каждомъ изъ насъ, и утвердить на нихъ, какъ на прочномъ каменномъ фундаментѣ, свою жизнь и дѣятельность. Это самовоспитаніе, это утвержденіе и укрѣпленіе въ себѣ вѣры, съ одной стороны, и постоянное, безпрерывное возгрѣваніе въ себѣ любви—съ другой, помогутъ намъ, юношамъ, выдержать ожидающее насъ въ жизни испытаніе нашего юношескаго идеализма, нашихъ высокихъ порывовъ и благихъ стремленій, какими мы обладаемъ теперь еще теоретически, оставаясь пока на школьной скамьѣ, но которыми можемъ овладѣть и практически, воплощая ихъ въ будущей своей самостоятельной жизни.

Конкретнымъ же примѣромъ для насъ въ данномъ случаѣ пусть послужитъ жизнь покойнаго наставника Митрофана Филипповича, глубоко вѣрующаго, твердо убѣжденнаго и нѣжно любящаго человѣка, жизнь котораго была истиннымъ воплощеніемъ его слова, ученія. Наша твердая рѣшимость здѣсь же, у гроба, послѣдовать примѣру его жизни,—запастись въ опасное житейское плаваніе необходимымъ для этого содержаніемъ истинно христіанской жизни—началами вѣры и любви, думается намъ, будетъ лучшимъ выраженіемъ памяти о почившемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣрнѣйшимъ ручательствомъ въ сохраненіи нами въ жизни нашего юношескаго идеализма.

Студентъ 4 курса Ф. Сушицкій.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

4.

Послѣдній долгъ, послѣднее цѣлованіе собрались здѣсь мы, дорогіе товарищи, Вы, высокочтимые друзья и сродники, воздать нашему доброму, уснувшему вѣчнымъ сномъ смерти наставнику - Митрофану Филипповичу. Что сказать здѣсь предъ его неподвижнымъ, молчаливымъ тѣломъ, много-ли можно прибавить словомъ къ тому, что каждый изъ насъ видитъ въ семъ гробѣ? Сказать-ли, произнести-ли слово похвалы или прославленія? Но развѣ услышитъ тотъ слухъ, который не въ состояніи разбудить теперь всѣ громы этого міра; да и возможно-ли, доступно-ли вообще слабому слову человѣческому выразить все благородство, всю совершеннѣйшую высоту истинно-христіанской души человѣка? И все-же, однако, знаменитое, идущее съ самыхъ давнихъ лѣтъ древности, изреченіе, хотя и ограничиваетъ сферу обмѣна нашихъ взаимныхъ впечатлѣній и чувствованій по поводу умершаго, хотя и запрещаетъ оно дурно такъ или иначе отзываться о немъ,—однако, оно же и предписываетъ, оно же и внушаетъ, именно, добрымъ словомъ помянуть усопшаго. Такъ позвольте же, потому, и мнѣ, дорогой Митрофанъ Филипповичъ, предъ вашимъ гробомъ, предъ лицемъ вашихъ высокочтимыхъ друзей и знаемыхъ сказать хотя нѣсколько—самыхъ небольшихъ и краткихъ словъ, посвященныхъ вашей дорогой, незабвенной памяти, позвольте и мнѣ, въ небольшой бесѣдѣ хотя немного облегчить свою и общую всѣхъ насъ скорбь добрыми воспоминаніями о вашей чистой, свѣтлой личности. Недолго мы пробыли въ нашей родной Академіи подъ вашимъ кроткимъ, добрымъ и мягкосердечнымъ, подлинно, можно сказать, отеческимъ руководствомъ,—недолго,—всего нѣсколько мѣсяцевъ прошлаго, столь тревожнаго, къ тому-же, года. Однако, отвлекаясь нѣсколько отъ этой, видимой въ данную минуту, дѣйствительности, хочется вообще нѣсколько сказать, что и въ наше время, время пре-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

слѣдованія лишь собственныхъ интересовъ, время, когда человѣкъ рѣдко и рѣдко является для другого человѣка подлинно истиннымъ и любящимъ братомъ, встрѣчаются иногда люди, сердце которыхъ представляетъ изъ себя одну лишь добрую, отзывчивую ко всѣмъ, ласку и радушіе; встрѣчаются и среди суровыхъ, негодующихъ на все и отталкивающихъ отъ себя всѣхъ людей—нѣкоторыя лица, при одномъ взглядѣ на которыя такъ и хочется раскрыть всю свою, наболѣвшую и измученную сомнѣніями и невзгодами, душу, и отъ которыхъ при всякомъ обстоятельствѣ, при каждомъ, самомъ бѣдственномъ, и на первый взглядъ, самомъ безвыходномъ случаѣ,—услышишь не иное что, какъ лишь доброе, ободряющее и дивно успокаивающее слово, услышишь трезвый, правдивый взглядъ, найдешь горячее сочувствіе, получишь краткое, дорогое наставленіе. За то и бываетъ достаточно самаго краткаго, самаго малаго періода времени, одного даже примѣра бесѣды и обращенія съ такими людьми, чтобы послѣ уже, во все продолженіе своей жизни, сохранить о нихъ самое горячее, самое живое воспоминаніе. За то и достаточно одного слова такого человѣка, одного добраго, сердечнаго, въ душу проникающаго слова, чтобы послѣ оно уже навсегда осталось въ вашей душѣ, чтобы не въ состояніи его были заглушить потомъ „вся терніа“, вся суета послѣдующей многомятежной жизни человѣческой.

И вотъ одна чистая, спокойная совѣсть, одна лишь правда требуютъ сказать, что къ такимъ, именно, благодатнымъ, лучшимъ и наиболѣе замѣтнымъ среди общаго почти жестокосердія и своекорыстія людямъ, принадлежалъ и нашъ покойный, высокочтимый Митрофанъ Филипповичъ. Нужно ли говорить здѣсь о томъ необыкновенномъ радушіи, о той простотѣ, мягкосердечіи, добротѣ, ласковости его, о томъ необыкновенномъ его доброжелательствѣ, къ намъ особенно молодымъ людямъ, которыя свѣтились во всей его жизни и дѣятельности—нужно-ли? О, всѣ эти превосходнѣй-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

шія качества истинно-христіанской души его, всѣ эти истиннѣйшія проявленія совершеннѣйшей христіанской любви его — такъ прекрасно и могуче должны вѣщать сами за себя, такъ превосходно должны быть извѣстны и знакомы каждому, кто живъ, обращался или просто даже хотя когда-либо говорилъ съ покойнымъ Митрофаномъ Филипповичемъ. А что уже и сказать о его высокочтимыхъ сотоварищахъ, сродникахъ, искреннѣйшихъ друзьяхъ? Да, добрая душа, простое, глубокое, отзывчивое ко всѣмъ и доброе сердце понесъ съ собой въ могилу покойный Митрофанъ Филипповичъ; вѣчная да будетъ ему память, съ праведными да сопричтетъ Господь его добрую душу. Какъ-то невольно припоминаются самые первые дни, даже часы—нашего пріѣзда и поступленія (разумѣю себя и своихъ ближайшихъ товарищей) въ нашу родную Академію. Не для кого, конечно, не секретъ, что каждый изъ такихъ вновь поступающихъ, лишь впервые переступающихъ порогъ высшаго храма науки, бываетъ обыкновенно нѣсколько смущенъ, какъ бы придавленъ неизвѣстнымъ будущимъ, и какъ бы инстинктивно, потому—дѣлается въ извѣстной степени робкимъ, боязливымъ. Долго-ли, спрашивается, отнять у такого человѣка послѣдній, быть можетъ, и прежде уже надломанный, якорь его надежды, трудно-ли лишить его послѣдней, быть можетъ, и безъ того уже малой увѣренности?... По обычаю, издавна въ нашей Академіи существующему, мы ходили по одному, или группами въ нѣсколько человѣкъ, представляться нашему инспектору, каковымъ въ то время и былъ покойный Митрофанъ Филипповичъ. И что-же? Встрѣтили ли мы въ его квартирѣ грознаго начальника, однимъ словомъ своимъ какъ бы дававшаго понять свое неизмѣримое превосходство предъ нами, встрѣтилъ ли насъ холодный, суровый взглядъ, самъ собою приковывающій маленькаго человѣка къ начальническому порогу, не позволяющій ему сдѣлать и одного шага впередъ, сказать и одного своего робкаго, тихаго слова? О

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

нѣтъ,—далеко не грознаго, далеко не строгаго, совершенно не страшнаго начальника увидѣлъ тамъ каждый изъ насъ. Покойный Митрофанъ Филипповичъ самъ первый выходилъ встрѣчать насъ, онъ встрѣчалъ, онъ принималъ насъ какъ давно жданныхъ, дорогихъ своихъ гостей, онъ каждому изъ насъ первый протягивалъ руку, у него для каждаго изъ насъ нашлось доброе привѣтливое слово, каждаго посѣтителя и встрѣчала, и провожала его ласковая, ободряющая улыбка. Можно ли забыть, можно ли обойти молчаніемъ эту первую, такъ сказать, встрѣчу, это первое наше свиданіе съ нашимъ непосредственнымъ наставникомъ и начальникомъ—намъ—, именно,—видѣвшимъ прежде и до того одну лишь суровость, одну лишь строгость, одинъ лишь мертвящій формализмъ? Да и послѣ того... Скажите, товарищи, по совѣсти, какъ говорится, положа руку на сердце, чувствовали ли мы когда-либо на себѣ карающую власть инспектора, когда таковымъ былъ Митрофанъ Филипповичъ, страдали ли мы когда-либо, тяготились ли инспектурой покойнаго Митрополита Филипповича? Одна самая очевидная истина и совершеннѣйшая справедливость требуютъ сказать, что если когда среди насъ и раздавались голоса противъ инспекціи, какъ учрежденія, то все же и при этомъ никогда, никогда не затрогивалась свѣтлая личность покойнаго,—о, его доброта, его искреннее мягкосердечіе, какъ бы неуязвимымъ щитомъ прикрывали и охраняли покойнаго Митрофана Филипповича при всѣхъ, самыхъ настойчивыхъ, требованіяхъ, при самыхъ горячихъ протестахъ. Фактъ знаменательный, въ высшей степени знаменательный, особенно, когда мы обратимъ свое вниманіе на то, почти обычное, но необычайно грустное явленіе, при которомъ инспекція и воспитанники образуютъ лишь два лагеря, два самыхъ враждебныхъ, непримиримыхъ лагеря. А дѣло объясняется просто: покойный Митрофанъ Филипповичъ зналъ слабость студента, онъ прекрасно понималъ всю психологію способной на увлеченіе и дурнымъ, и самымъ высо-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

кимъ—молодости,—и по своей необыкновенной тактичности онъ могъ снисходить и къ самымъ большимъ нашимъ ошибкамъ.

И вотъ теперь, въ заключеніе къ сказанному, прибавимъ немного: мы только постараемся хоть нѣсколько уяснить себѣ ту основу, на которой утверждались всѣ эти, столь высокія и благородныя, качества покойнаго. И видимъ,—о какъ ясно, какъ во-очію совершенно видимъ мы эту основу,—основу, на которой, собственно, утверждалась и вся высокая и сердечно трогательная жизнь покойнаго, какъ ясно мы видимъ весь этотъ благоухающій источникъ, изъ котораго душа его почерпала все свое добро, все свое радушіе, ласку. Покойный Митрофанъ Филипповичъ былъ человѣкъ глубоко и горячо вѣрующій, искренно и непоколебимо убѣжденный въ истинности и совершенствѣ св. православной вѣры христовой. Въ прошломъ году мы, вновь принятые въ число студентовъ Академіи, ходили въ св. Кіево-Печерскую Лавру для поклоненія ея святынямъ и почивающимъ въ ней свв. угодникамъ, ходили подъ руководствомъ покойнаго Митрофана Филипповича. Можно ли забыть то несказанное, совершенѣйшее благоговѣніе, съ какимъ покойный лобызалъ прославленныя чудесами и милостью Божіей святыни, можно ли было оставаться равнодушнымъ при видѣ той горячей вѣры его, которая такъ совершенно ярко блистала тогда во всѣхъ его поступкахъ?! А кто забудетъ ту глубокую, неподдѣльную скорбь его, кто не вспомнитъ тѣхъ тяжкихъ вздоховъ покойнаго, съ какими онъ объяснялъ намъ невозможность для себя сопровождать насъ и въ пещеры. О, кто слышалъ, кто видѣлъ въ эти минуты дорогого Митрофана Филипповича, оставшагося позади насъ, здоровыхъ и крѣпкихъ, безъ труда спускавшихся по крутой лѣстницѣ, кто, хотя случайно, въ это время бросилъ на него взглядъ,—для того нѣтъ нужды говорить о святой набожности покойнаго. Да и послѣ вѣдь... Не смотря на тяжкій свой недугъ, на тотъ недугъ, который

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

совершенно почти приковалъ его къ одному мѣсту, и лишь съ громаднымъ трудомъ позволялъ ему только иногда дѣлать по нѣсколько шаговъ,—и тогда—развѣ не приходилъ покойный Митрофанъ Филипповичъ въ этотъ нашъ св. храмъ, развѣ оставлялъ онъ и тогда св. службу Божію, свою молитву постоянную? Развѣ не видѣли мы въ свв. Часы поста и покаянія впереди насъ нашего дорогого наставника, развѣ не видѣли мы тогда съ какою кротостью, съ какимъ, истинно христіанскимъ смиреніемъ, совершалъ онъ важнѣйшія Христовы таинства, развѣ невольно не наблюдали мы того священнѣйшаго благоговѣнія, съ какимъ онъ принималъ животворящую Кровь и Тѣло Своего Господа? Самая смерть подошла къ нему лишь послѣ принятія имъ благодатнаго таинства елеосвященія, послѣ исповѣданія имъ всѣхъ своихъ прегрѣшеній и преискреннѣйшаго соединенія съ самимъ Господомъ нашимъ Спасителемъ, Тѣмъ Господомъ, Которому онъ и подлинно служилъ всю свою жизнь, служилъ и своимъ умомъ, мысли котораго были такъ неподкупны, такъ цѣломудренны мечты, и своимъ горячо любящимъ сердцемъ, и своею чистою, вѣрующею молитвою. Правда, быть можетъ, покажется нѣсколько недоумѣннымъ, такъ сказать, удивительнымъ даже то обстоятельство, когда при всѣхъ своихъ, столь превосходнѣйшихъ качествахъ, при всемъ своемъ добродѣтельнѣйшемъ и богоугоднѣйшемъ стремленіи жить и поступать всегда по правдѣ и по любви Божіей—при всемъ этомъ—покойный, послѣдніе особенно два года, былъ пораженъ тяжкимъ недугомъ, и такимъ недугомъ, страданія коего едва были выносимы, мученія—едва не превышали силъ человѣческихъ. Правда, быть можетъ?... Но пусть такое наше недоумѣніе, пусть такое наше сомнѣніе возникнетъ и задержится въ пытливой мысли нашей не болѣе, какъ на одно лишь молніи мгновеніе. Не говоря уже о томъ, что всѣ свои тѣлесныя и душевныя страданія покойный переносилъ безъ единаго слова ропота, безъ единаго вопля жалобы

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

или отчаянія, оставляя въ сторонѣ даже ту отраднѣйшую для насъ въ данный моментъ истину,—что, по неложному слову Господа, своимъ великимъ терпѣніемъ онъ спасалъ душу свою (Лк. XXI, 19),—мы дерзаемъ сказать еще больше того. При взглядѣ на эти послѣдніе годы жизни покойнаго Митрофана Филипповича намъ дѣйствительно представляется невольно великая исторія невиннаго страдальца древнихъ временъ св. праведника Іова. Да, какъ-то невольно приходитъ на вашу мысль весь глубочайшій и премудро совершеннѣйшій урокъ этихъ страданій, какъ-то самъ собою становится очевиднымъ тотъ сокровеннѣйшій смыслъ и этихъ тѣлесныхъ болѣзней и ранъ и каждаго человѣка вообще, а также и нашего дорогого добраго наставника. Будемъ же и дерзаемъ и мы вѣрить, что этимъ своимъ недугомъ покойный Митрофанъ Филипповичъ искупалъ предъ Господомъ всѣ подлинно грѣхи своей слабости и невѣдѣнія, чтобы потомъ уже—только лишь чистымъ, безъ единаго порока или пятна войти въ Его свѣтлѣйшія и чистѣйшія обители. И вотъ Господь, наконецъ, и взялъ его къ Себѣ, чтобы тамъ, въ вожделѣннѣйшемъ домѣ Отца Его отдохнулъ нашъ покойникъ отъ всѣхъ трудовъ, отъ всѣхъ бурь житейскаго нашего плаванія. Такого вотъ человѣка лишились мы въ покойномъ Митрофанѣ Филипповичѣ, такая вотъ высокая, благородная, истинно-христіанская душа, вознесшись къ своему Создателю, оставила насъ навсегда. И это сердце, ласка и доброжелательность котораго для всѣхъ такъ прекрасно были открыты, которое ни на одно мгновеніе не покушалось противъ брата и на врага не клеветало—перестало биться на вѣки; и эти глаза, въ которыхъ такъ и свѣтилась кроткая душа покойнаго,—закрылись, чтобы никогда уже болѣе не открываться при прежнихъ обстоятельствахъ; и на эти уста, изъ которыхъ мы слышали такъ часто и такъ много столь привѣтливыхъ и доброжелательныхъ для насъ словъ, неумолимая смерть наложила свою хладную руку,—и нѣтъ уже то-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

го лѣкарства, нѣтъ уже того средства, чтобы они еще когда либо разомкнулись... Такъ отдадимъ же послѣдній нашъ долгъ нашему почившему дорогому наставнику, усерднѣйше и искреннѣйше помолимся въ эти минуты предъ престоломъ Господа славы объ упокоеніи въ мирѣ души его. Упокой, Господи, со святыми душу усопшаго раба Твоего! Ты нѣкогда вѣщалъ въ слухъ всего народа: „Блажени кротціи: яко тіи наслѣдятъ землю“ (Мѳ. 15)—дай же ему, Господи, по молитвѣ всѣхъ насъ, это преславное наслѣдіе, дай ему эту землю. За его добро, за его ласку, за его радушіе ко всѣмъ намъ, за его совершенное и истинное ко всѣмъ намъ доброжелательство, за то, что остался онъ Тебѣ непоколебимо вѣренъ даже до послѣдняго своего вздоха—сопричти Ты его, Господи, съ праведными, всели Ты его въ нѣдрахъ Авраама, Исаака и Іакова и насъ всѣхъ грѣшныхъ помилуй, яко Ты благъ и Человѣколюбецъ Богъ нашъ еси.

Д. Гороховъ.

5.

Да будетъ позволено здѣсь у гроба, въ которомъ заключились твои бренные останки, раздаться и моему немощному слову, незабвенный почившій профессоръ! Не къ перечисленію заслугъ твоихъ предъ родной Академіей—будетъ направлено оно—это въ достаточной степени сдѣлано уже другими—нѣтъ—слово это будетъ естественной данью глубокаго сожалѣнія о профессорѣ, у котораго мы были послѣдними слушателями и къ человѣку рѣдкой доброты сердца, который имѣлъ, казалось, право еще долго жить и пользоваться величайшимъ благомъ—даромъ жизни. Но, увы! Рука смерти—холодной и неумолимой—вырвала его изъ среды живыхъ и положила предѣлъ его земному странствованію. При видѣ этого зрѣлища смерти самый глубокій надмевающійся умъ—леденѣетъ; замираетъ пугливая мысль и чело-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

вѣкъ, подавленный этимъ страннымъ зрѣлищемъ,—восклицаетъ: „Что сіе? Еже о насъ бысть таинство“?

Но благословенъ Господь Богъ, благоволивый тако! Послѣдніе дни и даже годы жизни почившаго омрачались тяжелымъ недугомъ. Этотъ недугъ заставлялъ его часто прекращать начатую лекцію .. Можетъ быть, будучи не въ силахъ выносить приступъ этой мучительной болѣзни, онъ звалъ смерть избавительницу отъ страданій и вотъ она пришла, когда болѣзнь уже докончила свое дѣло, когда ничему и нечѣмъ уже было болѣе страдать... Братіе! Митрофанъ Филипповичъ усталъ... Онъ заснулъ и сонъ его—покой нерушимый во вѣки. „Блаженни мертвіи умирающіе о Господѣ отнынѣ... Ей, глаголетъ Духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ“ (Апок. 14; 13): дѣла бо ихъ ходятъ вслѣдъ за ними. Блаженъ и ты, почившій, потому что и дѣла твои пойдутъ за тобой, а дѣла эти— дѣла христіанина.

Послѣднее время почившій, мучимый своимъ недугомъ,— былъ какъ-то незамѣтенъ. Рѣдко гдѣ показывался и то развѣ лишь на лекціи, сдѣлавъ надъ собой неимовѣрныя усилія. Единственнымъ утѣшеньемъ для почившаго было пойти въ Братскій храмъ прослушать Божественную службу. Намъ памятна твоя согнутая фигура, стоящая въ углу въ ризницѣ. Рука то и дѣло опускалась для крестнаго знаменія; сосредоточенно и печально глядѣли твои очи... Предчувствовалъ ли ты тогда свою скорую кончину? Можетъ быть. Во всякомъ случаѣ—смѣемъ надѣяться—смерть не застала тебя врасплохъ. Ты встрѣтилъ ее во всеоружіи, какъ истинный христіанинъ.

Блаженна твоя кончина! Но отчего намъ такъ грустно и тяжело? Грустно, потому что нелегко провожать въ послѣдній путь всея земли человѣка, котораго зналъ, съ кѣмъ приходилось вступать въ общеніе, чей голосъ сильный и звучный, еще какъ бы звучитъ въ ушахъ нашихъ. Тяжело еще и потому, что знаемъ какимъ тяжелымъ ударомъ поразила

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

твоя кончина твоихъ близкихъ и сродниковъ, которые скоро отдадутъ тебѣ послѣднее цѣлованіе. Жаль супруги, лишившейся нѣжнаго супруга, жаль дѣтей лишившихся чадолюбиваго отца...

Но не будемъ скорбѣть, какъ „не имущіе упованія". Можетъ быть, приходится пожалѣть скорѣе насъ, остающихся на землѣ, обреченныхъ на земное странствованіе, исполненное бѣдъ, скорбей и всевозможныхъ случайностей. Можетъ быть, въ эту минуту почившій взираетъ на насъ изъ горняго міра съ радостнымъ просвѣтленнымъ взоромъ, свободнымъ отъ земныхъ паутинъ. А если ты, дорогой почившій, нуждаешься въ нашихъ слабыхъ земныхъ молитвахъ, мы оставшіеся въ живыхъ,—твои послѣдніе слушатели—будемъ молить Царя всяческихъ—да изгладитъ Онъ изъ книги жизни всѣ твои ошибки, земныя заблужденія, твои вольныя и невольныя прегрѣшенія—все, что можетъ мѣшать тебѣ и намъ въ вѣчной жизни. Аминь.

Студ. IV курса свящ. *А. Тюменевъ.*

6.

Дорогой Митрофанъ Филипповичъ!

Добрыя качества твоей души, жизненный путь, пройденный тобою, съ его радостями и скорбями, наконецъ, тяжелыя чувства разлуки съ тобой,—нашли себѣ выраженіе въ теплыхъ словахъ, сказанныхъ у сего гроба любящими и отъ лица любящихъ тебя.

Почивай же сладостнымъ покоемъ отъ понесенныхъ тобой въ жизни многихъ и тяжелыхъ трудовъ и заботъ!

Хотѣлось бы выразить въ эту тяжелую минуту еще одну лишь мысль, навѣянную твоею мирною кончиною.

Какъ истинный сынъ церкви, ты искренно скорбѣлъ Ея любовною скорбію, будучи свидѣтелемъ переживаемыхъ нами

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

общественныхъ нестроеній, которыя не мало волновали твое и безъ того истерзанное тяжелою болѣзнью доброе сердце. И можно ли было оставаться спокойнымъ тебѣ, такъ горячо любившему свое дорогое отечество!—События, рѣзко противоположныя другъ другу, какъ въ калейдоскопѣ быстро смѣняютъ одно другое. Повидимому, жизнь утратила свой равномѣрный темпъ—идетъ скачками. Всюду царятъ раздоры и волненія, какъ бы стараясь сдвинуть со своихъ основъ историческіе законы жизни человѣческой. Всѣ руководящіе жизнію принципы, перепутываясь взаимно, ступневываются, уступая мѣсто страстной борьбѣ произвола, насилія и различно понимаемой свободы. Чувствуется ужасный какой-то хаосъ, гдѣ честный спокойный трудъ внезапно прерывается грубой силой, гдѣ горячія слезы любви и кротости смѣшиваются съ кровью холодной злобы...

Ты, видя все это, жаждалъ мира... и ты нашелъ его, хотя и въ другомъ, иномъ мірѣ. Вошелъ ты въ тихую, надежную пристань. Миръ твой непарушимъ никакими ужасами нашей жизненной борьбы. Твердымъ щитомъ смерти ты навсегда огражденъ отъ лютыхъ волнъ бушующей житейской бури!—Мы же остаемся открытыми для всѣхъ ея ударовъ. И можемъ ли мы съ увѣренностію сказать, что намъ выпадетъ счастливая доля видѣть благіе и прочные результаты охватившей насъ борьбы? Это вѣдомо одному Богу; на Его благодатную помощь и надѣемся. Во всякомъ случаѣ здѣсь, на землѣ, всегда возможны величайшія нестроенія, среди которыхъ такъ многіе падаютъ невинными жертвами.

Лишь въ томъ мірѣ, куда переселилъ нынѣ тебя Господь, царитъ полная и тихая гармонія: по любви своей Онъ призвалъ тебя въ свои горнія обители! Ты, очевидно, давно уже предчувствовалъ сладость этой новой жизни; еще годъ тому назадъ послѣдними твоими словами послѣдней въ томъ году твоей лекціи были: „вотъ мы подступили къ дверямъ рая; а тамъ—возложимъ свои надежды на милость Божію“.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

Молимъ Бога, незабвенный нашъ Митрофанъ Филипповичъ, вѣруемъ и надѣемся, что Онъ откроетъ тебѣ эти двери вѣчнаго, непрестающаго блаженства для твоей доброй души, простивъ ея вольныя и невольныя прегрѣшенія.

Спи съ миромъ и молись о ниспосланіи сего благодатнаго мира и въ нашу мятежную жизнь!

Студентъ свящ. *Н. Чудновцевъ.*

7.

Дорогой Митрофанъ Филипповичъ!

Прежде чѣмъ гробовая доска скроетъ тебя отъ насъ позволь и мнѣ сказать тебѣ нѣсколько словъ.

Не думалъ я такъ скоро видѣть тебя здѣсь, на этомъ мѣстѣ, въ этомъ видѣ. Въ послѣднее время, впрочемъ, мысль о твоей смерти стала закрадываться въ мою душу, внушаемая слухами о твоемъ опасномъ положеніи, шедшими со всѣхъ сторонъ. Но при личныхъ свиданіяхъ съ тобою, частыхъ въ послѣднее время, мысль эта пропадала; являлась увѣренность, что ты поправишься отъ болѣзни и будешь жить еще долго. Увѣренность эта внушалась мнѣ и бесѣдою съ тобою,—ты какъ-то оживалъ при свиданіяхъ со мною и какъ-бы забывалъ о своей болѣзни,—и твоею собственною увѣренностью въ томъ, что ты выздоровѣешь,—увѣренностью, не оставлявшею тебя до послѣднихъ дней. Лишь въ самое послѣднее время, дня за три до смерти, увѣренность эта какъ будто стала тебя оставлять. Въ воскресенье, когда я видѣлъ тебя живымъ въ послѣдній разъ, я услышалъ отъ тебя въ первый разъ такія слова: „силы мои истощаются, помолись, другъ мой, за меня своими святыми молитвами; самъ я ничего не сдѣлаю“. Но, сказавши это, ты какъ бы испугался своихъ словъ и просилъ меня никому не говорить о томъ, что тебѣ плохо. А тебѣ было дѣйствительно плохо, а потомъ

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

и совсѣмъ не стало тебя въ живыхъ и вотъ теперь стоимъ мы около тебя затѣмъ, чтобы проститься съ тобою здѣсь, на землѣ.

Что же скажу я тебѣ при этомъ послѣднемъ на землѣ свиданіи съ тобою? Благодарю Бога за то, что съ первыхъ дней своей академической жизни и до послѣднихъ дней твоей земной жизни я былъ близокъ къ тебѣ. Я познакомился съ тобою, когда ты былъ еще студентомъ Академіи: ты былъ въ дружбѣ съ моими земляками-студентами, чрезъ нихъ и я приблизился къ тебѣ. Потомъ ты былъ моимъ профессоромъ. А затѣмъ, когда я поступилъ на службу въ Академію, началась наша непрерывавшаяся, никогда не ослабѣвавшая, а, наоборотъ, болѣе и болѣе скрѣплявшаяся связь до твоей смерти. Сначала мы жили вмѣстѣ съ тобою въ одной квартирѣ, потомъ, разошедшись, жили вблизи другъ къ другу и при томъ такъ, что куда ты переселялся, туда и я тянулся за тобою. Ты былъ для меня магнитомъ, притягивавшимъ къ себѣ. Этого магнита не ослабила и перемѣна въ нашей жизни—холостой на женатую. Напротивъ, супруги наши, тѣсно связанныя между собою, связали насъ еще крѣпче. Когда въ самое послѣднее время ты опять удалился отъ меня, у меня стала являться надежда, что и я приближусь къ тебѣ. Но ты поспѣшилъ уйти еще дальше, и теперь нѣтъ уже сомнѣнія въ томъ, что и я послѣдую туда же въ часъ, какой Господь мнѣ назначитъ. Ты всегда шелъ впереди меня.

Будучи близокъ къ тебѣ пространственно, я былъ близокъ къ тебѣ и духовно и видѣлъ и чувствовалъ твою близость къ себѣ. И вотъ я имѣлъ полную возможность наблюдать тебя и учиться у тебя, именно учиться. Авторитетъ учителя всегда оставался за тобою, какъ ни были близки наши отношенія. О всякомъ дѣлѣ, личномъ, служебномъ, семейномъ, я шелъ къ тебѣ за совѣтомъ и получалъ его. Не было у меня никакой тайны, какую я скрывалъ бы отъ тебя намѣренно. Все тебѣ открывалось—и горе и радость, и всегда

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

я находилъ у тебя то, что нужно было. Но и ты не скрывалъ отъ меня ничего и посвящалъ меня въ свои намѣренія и былъ для меня учителемъ не примѣромъ только, но и словомъ.

Первые четыре года академической службы я провелъ подъ одной кровлей съ тобою. И здѣсь я увидѣлъ, какъ занимаются профессора Академіи. Съ ранняго утра и до глубокой ночи или точнѣе до глубокаго утра—до 3-хъ, 4-хъ часовъ утра—ты сидѣлъ въ кабинетѣ, обложенный книгами, и хотя насъ въ квартирѣ было только двое и шумѣть было некому, всегда съ закрытыми дверями. Такъ занимался ты и въ послѣдующее время, глубокая ночь была твоимъ любимымъ временемъ для занятій. При такихъ усидчивыхъ занятіяхъ, никогда тебя не оставлявшихъ, можетъ показаться непонятнымъ то, что ты не представилъ сочиненія на высшую богословскую степень. Объясняется это единственно тѣмъ, что, снисходительный къ другимъ, ты былъ черезчуръ требователенъ къ себѣ. Ты писалъ и приготовлялъ, но написанное тебя не удовлетворяло...

Какъ профессоръ сначала по каѳедрѣ Сравнительнаго богословія, а потомъ Догматическаго богословія ты твердо стоялъ на стражѣ православія, не дозволяя себѣ ни малѣйшаго уклоненія, ты съ горечью замѣчалъ уклоненія другихъ. Свое правое исповѣданіе ты высказалъ и на своей послѣдней на землѣ исповѣди. „Смѣло говорю, сказалъ ты, что худо или хорошо я училъ, но вѣровалъ и училъ право“. Одаренный умомъ глубокимъ и пытливымъ ты старался добираться до глубины занимавшихъ тебя богословскихъ вопросовъ.

Въ послѣднее время ты принялъ на себя обязанности инспектора Академіи. Должности инспектора ты боялся, находилъ ее не соотвѣтствующей твоему характеру и принялъ ее по убѣжденію со стороны и по нуждѣ. Ты успокоивалъ себя тѣмъ, что будешь справедливъ ко всѣмъ и будешь заботиться о благѣ студентовъ. Ты твердо помнилъ, что не

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

студенты существуютъ для инспектора, а инспекторъ для студентовъ. Ты надѣялся, что студенты поймутъ твое благожелательное къ нимъ отношеніе и будутъ мириться съ твоимъ инспекторствомъ. И когда сдѣлался ты инспекторомъ, ты твердо держался своего взгляда на инспекторство, всецѣло посвятивъ себя заботамъ о благѣ студентовъ. И студенты поняли тебя, лично противъ тебя ничего не имѣли и въ недавніе очень смутные дни тебя оберегали, что мы и слышали изъ только что сказанныхъ ими рѣчей.

Какъ товарищъ, ты былъ вездѣ желателенъ и пользовался особымъ уваженіемъ отъ всѣхъ. Разносторонне образованный и могшій говорить обо всемъ, ты любилъ бесѣдовать и часто и подолгу бесѣдовалъ съ товарищами въ сборной и всегда бесѣды твои имѣли серьезный характеръ. Въ этихъ бесѣдахъ ты проявлялъ замѣчательную тонкость ума. Въ тѣхъ случаяхъ, когда ты бывалъ въ большомъ разнопестромъ обществѣ, ты умѣлъ поддерживать интересъ. Ты не прочь былъ и поострить надъ другимъ. Но твоя острота не была язвительна, обидна, но какъ-то пріятно игрива, и тотъ, къ кому она относилась, смѣялся болѣе другихъ. Онъ не обижался на тебя, не избѣгалъ встрѣчи съ тобою, напротивъ, желалъ чаще видѣться съ тобою.

Наконецъ, ты былъ хорошимъ семьяниномъ и гостепріимнымъ хозяиномъ. Ты женился довольно поздно и Богъ далъ тебѣ дѣтей не сразу. Въ эти годы бездѣтные ты выѣзжалъ одинъ день въ недѣлю для пріема гостей, и къ тебѣ шли охотно и проводили время пріятно. Но когда дѣти появились и стали подрастать, ты измѣнилъ свою жизнь круто: вечера прекратились и все время и всѣ средства обращены были на воспитаніе своихъ дѣтей. Ты и твоя достойная тебя супруга хорошо разсуждали: денегъ для дѣтей мы все равно не скопимъ; да и какая польза имъ отъ денегъ? Гораздо лучше снабдить ихъ образовательными средствами, чтобы они сами зарабатывали себѣ кусокъ хлѣба. И въ

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

этомъ направленіи дѣлалось для дѣтей все. Ради дѣтей, чтобы имѣть средства дать имъ хорошее образованіе, ты принялъ на себя и тяжелую должность инспектора. И твои заботы о дѣтяхъ не безплодны. Два твои сына съ самаго поступленія въ гимназію и доселѣ учатся отлично, занимая первыя мѣста.

Дорогая Серафима Васильевна, новая вдова въ нашей академической семьѣ. Ты была свидѣтельницей трудолюбивой и высоконравственной жизни своего почившаго супруга; во многомъ ты принимала непосредственное и, быть можетъ, даже большее участіе, напр., въ воспитаніи дѣтей; въ послѣднее время ты была безсмѣнною сестрою милосердія своего супруга, и днемъ и ночью высчитывавшею часы и минуты. Велика и невознаградима для тебя утрата. Но да будетъ для тебя утѣшеніемъ, ободреніемъ и наградою сознаніе о томъ, что ты была супругой человѣка—профессора, который оставилъ по себѣ безупречную память, имя котораго знающіе его будутъ произносить съ благоговѣніемъ и жизнь котораго достойна подражанія.

И вы, юные птенцы почившаго, Шуня и Муся, имѣйте всегда предъ глазами высоконравственный образъ своего родителя, помните его заботы о васъ и старайтесь отплатить ему и отличными успѣхами въ наукахъ и добрымъ поведеніемъ, т.-е. старайтесь и впередъ быть такими же, какими привыкъ видѣть васъ вашъ отецъ во время своей жизни.

Но время и кончить свое слово.

Дорогой Митрофанъ Филипповичъ! Прости меня за то, что я своимъ слабымъ словомъ не съумѣлъ изобразить достойно твой величавый образъ: *недоборьчивъ есмь прежде вчерашняго и третіяго дне... худогласенъ и косноязыченъ есмь*. Но вѣрь, и я увѣренъ, что ты вѣришь мнѣ въ томъ, что отъ избытка сердца уста мои говорили. Мои слабыя слова лишь слабое выраженіе того, что я чувствую по отношенію къ тебѣ—и уваженія, и любви и благодарности. Го-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

сподь, не возбранившій мнѣ принять на себя высокій санъ священства, сподобилъ меня совершить надъ тобою таинство елеосвященія и напутствовать тебя въ будущую жизнь святыми тайнами. Я молился за тебя живаго, молюсь и буду молиться за тебя и усопшаго, да упокоитъ тебя Господь въ царствѣ славы. Но прошу и тебя не прерывать своего, теперь уже невидимаго, общенія со мною и молиться за меня и мою семью предъ престоломъ Всевышняго, къ Которому ты теперь ближе стоишь.

Вѣчная память тебѣ, добрый и вѣрный служитель Слова истины! Аминь.

Протоіерей *Ѳ. Покровскій.*

8.

Свершилось. Тамъ, въ церкви, ты былъ еще нашъ; здѣсь же ты принадлежишь лишь Богу и нашей общей матери—землѣ. Съ настоящаго момента, когда на гробовую крышку упалъ первый комъ земли, надъ тобой начинается судъ исторіи. Ты не былъ тѣмъ баловнемъ судьбы, которому на полѣ брани слава трубитъ въ побѣдную трубу; ты не былъ и въ числѣ тѣхъ мощныхъ двигателей цивилизаціи, имена которыхъ записываются на скрижали исторіи, какъ благодѣтелей человѣчества; твой жизненный путь не освѣщался бенгальскими огнями людского тщеславія! Впрочемъ, кому изъ насъ, вышедшихъ изъ стѣнъ нашей общей almae matris Духовной Академіи, свѣтятъ эти огни? Намъ путеводной звѣздой служитъ или мерцаніе лампады въ тиши монашеской кельи или свѣтъ лампы ученаго кабинетнаго труженика. Свѣтъ такой лампы освѣщалъ и твой жизненный путь, но отблескъ его тихаго сіянія просвѣщалъ нашъ умъ, согрѣвалъ наши души, оживлялъ сердца. Въ своей, повидимому, скромной дѣятельности, ты былъ великъ, ты достигъ того величія, которое даетъ намъ право сказать, что подъ этой

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

дубовой крышкой гроба лежитъ человѣкъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Я сказалъ, что ты не былъ борцомъ, но не на томъ полѣ битвы, гдѣ льется потоками кровь, но на полѣ брани житейской, гдѣ ты мощно и славно сражался съ неправдой, съ ложью, съ несправедливостью. Какъ профессоръ, ты и насъ призывалъ на эту брань, а какъ инспекторъ ты являлся нашимъ защитникомъ. Я, а вмѣстѣ со мною, надѣюсь, и всѣ мои товарищи студенты единымъ сердцемъ и одними устами можемъ сказать, что память о тебѣ никогда не изгладится изъ нашихъ душъ. Ты говорилъ съ нами сердце къ сердцу; ты съ профессорской каѳедры открывалъ намъ великіе догматы православія, а въ жизни—сокровенную тайну любви и справедливости. Въ лицѣ твоемъ сошелъ въ могилу послѣдній инспекторъ до-реформенной не-автономной академіи, но, стоя у этой могилы, мы можемъ лишь пожелать, чтобы инспектора новой автономной Академіи были такъ же чутки къ нуждамъ студенчества, какъ ты, и подобно тебѣ пользовались среди студентовъ непреложнымъ авторитетомъ и любовью. Ты нынѣ уходишь въ иной міръ: да будетъ-же отходъ твой въ мирѣ подъ сѣнью знамени святой любви. Иди къ тому Богу, догму Котораго ты столь долгіе годы проповѣдывалъ съ профессорской каѳедры. Да пріиметъ онъ тебя въ селенія праведныхъ; а здѣсь, на землѣ, да будетъ тебѣ вѣчная „память“, дорогой учитель!

Студентъ II курса *Н. Балабуха*

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua